

РЕН БЕЛЛАРТ

ЯПОНИЯ

КАК ИНТЕРФЕЙС
МЕЖДУ МИРАМИ

ЗАГАДОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АЙТШНИКА
В СТРАНУ КЛАНЯЮЩИХСЯ ОЛЕНЕЙ

СЕРИЯ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ПУТЕШЕСТВИЯ ТОМАСА БЕРГЕРА»

Приключения и путешествия Томаса Бергера

Рен Белларт

**Япония как интерфейс
между мирами**

«Автор»

2026

Белларт Р.

Япония как интерфейс между мирами / Р. Белларт — «Автор», 2026 — (Приключения и путешествия Томаса Бергера)

Томас Бергер, немецкий программист и неисправимый путешественник. Работая удалённо, он колесит по миру и то и дело попадает в приключения, к которым совсем не готов. На этот раз маршрут ведёт его в Японию. Шаман в аэропорту Тайваня предсказывает ему эту дорогу, и уже через сутки судьба меняет весь план. Так начинается мистический роман-путешествие: видение падших ангелов у статуи Будды, подводные ступени Йонагуни, в точности повторяющие рисунок из его снов, и растущее чувство, что под Японией спрятан код забытой цивилизации. Герою предстоит выбрать: списать всё на совпадения или довериться карме, которая ведёт его через храмы Киото и тайны Осацкого замка к правде о себе. А ещё, пережить хрупкую любовь к загадочной японке, чья тайна не менее древняя, чем артефакты, которые он ищет. Для читателей мистики, эзотерики и тайн древних цивилизаций (в духе Грэма Хэнкока); тех, кто ищет роман о самопознании, реинкарнации, духовном поиске и приключениях в стиле травел-фикшн.

Содержание

Глава 1. Алгоритм случайностей	5
Глава 2. Ритуал поклона	10
Глава 3. Философия японского туалета	12
Глава 4. Страна стрелок	14
Глава 5. Ночная Осака	15
Глава 6. Киото и встреча	16
Глава 7. Правила времени	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рен Белларт

Япония как интерфейс между мирами

Глава 1. Алгоритм случайностей

Я просто формула, да я лишь код
Я чья-то запятая там где последний исход
Я атом, я пылинка во мгле,
Забытая после потопа на Земле

Но всё, что вызывает к началу,
Что было, что будет сначала
Проходит сквозь мой силуэт
И Бога, и матрицы след.

По воле моей текут времена,
Создателя мысль, и света волна.

К предсказателям и экстрасенсам разных мастей я всегда отношусь с лёгкой иронией. Для меня они скорее являются хорошими психологами, чем людьми со сверхъестественными способностями.

Весь этот тщательно поставленный эзотерический спектакль, как мне кажется, существует лишь потому, что одни искренне хотят верить в чудеса, а другие неплохо зарабатывают на этой вере.

Однако вскоре произошло то, чего я никак не мог предвидеть, и меня забросило в очередное приключение.

Меня зовут Томас Бергер. Я разрабатываю IT-проекты для разных крупных заказчиков удалённо, что позволяет мне свободно перемещаться по миру.

А вот по жизни... по жизни всё как всегда гораздо сложнее. Не стану сейчас вдаваться в детали биографии. Да это и не так важно. Важно лишь то, что однажды привело меня туда, где началась эта история.

Моё странное путешествие началось с того, что я покинул один далёкий остров, находившийся недалеко от экватора, на котором я уже было неплохо устроился и собирался даже надолго обосноваться.

Место, которое казалось настоящим раем.

Именно там появилась в моей жизни девушка, словно случайный подарок судьбы, а потом она так же внезапно исчезла.

Или, возможно, исчезла не она.

Возможно, исчез я.

Вернее, я бежал.

От кого или от чего, я тогда не мог сказать точно.

Но всё чаще возникало ощущение, что я бегу от самого себя.

Собрав немногочисленные вещи, я сел на старый паром до материка, а оттуда отправился самолётом на Тайвань, оставляя всё своё прошлое позади.

В аэропорту Тайбэй, уставший после дороги, я зашёл в небольшую закусочную. Заказал крепкий кофе и какое-то китайское печенье.

Сидел, смотрел в окно на взлетающие самолёты и размышлял: куда двигаться дальше? Мысли крутились вокруг разных целей, но ни одна не казалась заманчивой. Я был словно на перекрёстке, где все дороги ведут в неизвестность, но внутренняя пустота не позволяла сделать выбор.

В этот момент у моего столика остановился высокий мужчина с резкими чертами лица и густыми, чуть спутанными волосами. В его энергичном взгляде было что-то такое, что сразу притягивало внимание.

— Свободно? — спросил он низким голосом, показывая на пустой стул.

— Да, конечно, присаживайтесь, — ответил я.

Он опустился напротив, поблагодарил кивком и какое-то время молчал, рассматривая людей в зале. Потом перевёл на меня оценивающий взгляд и неожиданно сказал:

— Вы уже видели бабочек?

— Простите, что?

— В этом аэропорту. Там есть красивый зал, посвящённый бабочкам.

Признаться честно, бабочки меня интересовали сейчас меньше всего, но так начался наш разговор.

Перейдя быстро на «ты», мы говорили о пустяках, а потом плавно перешли к смыслу жизни, к тому, во что верят люди и почему каждый верит в свою правду. Он словно читал моё внутреннее состояние и властно направлял разговор.

Он оказался, как бы смешно это ни звучало, шаманом из далёкой Сибири. Его звали Ильдар Нуриев, то ли башкир, то ли якут, и направлялся он на какой-то семинар колдунов, кажется, в Непале.

Рассуждая на различные темы, я удивился его обширным познаниям в разных областях. Его слова текли ровно, и я сам не заметил, как разговор ушёл в религиозную философию. Он рассказывал про основные идеи и тезисы Бориса Моносова, современного мага и исследователя каббалы из России.

Шаман утверждал, что наш видимый мир — это лишь один из слоёв реальности. Существует множество тонких миров, энергетических плоскостей, через которые можно взаимодействовать и трансформироваться.

Он подчёркивал, что познание себя — это ключевой этап. Только поняв свои внутренние механизмы, можно эффективно управлять энергией и воздействовать на внешнее. Он часто повторял: «Кто познал себя, тот познал весь мир».

Мне стало ужасно интересно, когда он заговорил про аномальные зоны и энергетические центры планеты.

По его словам, это места силы, аномалии земной энергии, узлы — «энергетические перекрёстки» — и зоны, где взаимодействие с энергиями особенно активно.

Маги, по его мнению, пользуются именно такими зонами.

— Или вот, например, известный всем Пифагор, — сказал он в какой-то момент, поправив чашку на столе. — Для него всё было числом. Мир, музыка, человек — всё можно было выразить в цифрах. Он верил, что за этим хаосом скрыт порядок.

— То есть он видел мир как в таблице умножения? — усмехнулся я.

— Не в таблице, а в гармонии, — поправил шаман. — Как в музыке: струна звучит иначе, если укоротить её наполовину или на треть. Эти пропорции — чистая математика. И весь космос, по Пифагору, звучит как огромная арфа. Звёзды движутся и поют, только мы не слышим их голоса.

— Музыка сфер? — задумчиво произнёс я.

— Именно. В основе бытия лежат числа. Всё живое и неживое есть число. А если всё подчинено числам, значит, мы внутри великого Кода, — шаман поднял палец вверх. — Понять числа — значит понять законы мира, утверждал Пифагор.

— Великого Кода... — я усмехнулся. — Звучит красиво, спору нет. Я сам айтишник и понимаю, что кодом можно объяснить многое. Но, знаешь, я в такие вещи не верю. Мир слишком несовершенен. Войны, катастрофы, несправедливость. Всё это больше похоже на хаотичную эволюцию и набор случайностей, чем на стройную гармонию.

Шаман внимательно посмотрел на меня, но промолчал.

— Для меня мир материален, — продолжил я. — Он не прячется за тайными цифрами или музыкой сфер. Мир просто существует со всей своей жестокостью и красотой вперемешку.

Шаман кивнул, словно соглашаясь.

— Может быть, ты и прав, — сказал он тихо. — Мы ищем слова для того, что трудно выразить. Иногда мне кажется, что за этим хаосом всё-таки скрыт порядок, ведь и случайность может быть частью замысла. Может, хаос и порядок — это просто разные стороны одного и того же.

Я пожал плечами.

— Возможно. Но доказать ни то, ни другое нельзя.

— Хочешь, я покажу тебе, как это работает? — сказал шаман, вдруг оживившись. — Не просто теория, а магическая практика.

Он достал из кармана измятый билет, перевернул его обратной стороной и начал что-то писать.

— Назови дату, когда ты родился.

Я продиктовал, он начал писать разные цифры, что-то вычисляя, шевеля губами, потом остановился, на секунду задумался, взял зажигалку, поджёг уголок бумаги, подождал, пока пламя схватит край, и затушил.

Я даже немного испугался.

Жечь бумагу в аэропорту — затея рискованная.

— По Пифагору всё просто, — сказал он, глядя на рассеивающийся дымок. — Девятка и тройка. Конец цикла и путь вперёд. Но я вижу и другое — то, чего бы Пифагор не узрел.

Он поднёс огарок ближе, будто читал линии на обуглённой поверхности. Потом тихо сказал:

— Духи мне говорят, что поток ведёт тебя далеко на Восток.

Он провёл ладонью по воздуху.

— Вода, порядок, дыхание времени — всё сливается в одно.

Он замер, глаза потемнели, и голос стал почти чужим:

— Цель твоего пути — это Япония.

— Почему Япония? — спросил я, стараясь не усмехнуться.

— Потому что твоя карма ведёт тебя туда, — сказал он спокойно, как человек, сообщающий очевидный факт. — Там твой узел. Его нужно развязать.

— Какой ещё узел? — спросил я.

— Древний. Из прошлой жизни. Ты должен туда ступить. Иначе твоя дорога свернёт, и твой путь пойдёт в обход.

Я нахмурился, стараясь не выдать скепсиса: его слова звучали так, будто разум его блуждает где-то далеко. Поэтому я поспешил распрощаться, сославшись на то, что скоро мой рейс.

Шаман посмотрел на меня внимательно, понял, что я не верю, и на прощание сказал:

— Слушай свою интуицию. Верить или нет — это неважно. Главное, не предавай сердце.

Естественно, все эти послания духов и речи шамана показались мне странной мистикой, не более.

Впрочем, я уже решил, что следующим пунктом моего маршрута будут Филиппины. Там давно жил мой старый друг со своей семьёй. Мы иногда переписывались, и он уже не раз приглашал меня в гости.

Мысленно я уже представлял себе тёплое море, разноцветных коралловых рыб и жизнь без спешки. А заодно хотел закончить несколько проектов и просто собраться с мыслями. Именно это мне сейчас было нужно.

Я присел в зале ожидания. Вынув телефон, я машинально пролистал ленту новостей, потом открыл поисковик и быстро отыскал на «last minute» недорогой, почти смехотворно доступный перелёт на Манилу. Не раздумывая, я нажал «заказать» и отправился искать поблизости гостиницу.

Но обстоятельства сложились так, словно сама судьба распорядилась.

На следующий день всё изменилось.

Телефон завибрировал именно тогда, когда я уже мысленно собирал вещи в дорогу.

Рейс на Манилу отменили, и после нескольких минут разговора с представителем авиакомпании мне предложили другой маршрут.

— Через Японию, — сказал оператор. — Это самый быстрый вариант.

Вспомнил слова, которые ещё вчера говорил мне незнакомый шаман в аэропорту.

Я усмехнулся.

Совпадение. Просто совпадение.

И, сам того не ожидая, оказался на борту самолёта до Осаки, удивляясь тому, как причудливо всё сложилось.

Справедливости ради надо сказать: я всегда хотел побывать в Японии.

Не то чтобы это было большой мечтой, но Япония по-своему манила меня, словно образ, в котором чувствуешь что-то совершенно непонятное.

Я прочитал о ней многое. Меня всегда интересовал дух культуры. Япония как страна парадоксов.

Где люди в деловых костюмах каждое утро кланяются бронзовым лисам у входа в уличные святилища. Где можно заказать рис по QR-коду, но при этом нельзя прикоснуться к человеку, не нарушив невидимого этикета.

Японцы казались мне закрытыми, вежливыми до предела, страшно пунктуальными и, как ни странно, очень одинокими.

Теперь, когда самолёт опускался над ночной Осакой, а подо мной рассыпались, как жемчуг, бесконечные огни, я чувствовал волнение. Самолёт коснулся земли мягко, почти незаметно.

Аэропорт Осаки, как и все крупные узлы мира, был стандартен до стерильности: стекло, металл, уставшие сотрудники на паспортном контроле.

Я решил сразу снять немного денег в банкомате. На экране улыбалась мультяшная фигурка, надписи были сразу на пяти языках.

Японские деньги меня поразили. На вид будто бы это были царские облигации времён Николая II, а не современные банкноты XXI века. Огромные, широкие, не помещались в мой портмоне. Толстая хрустящая бумага.

Но поезд, что вёз меня из аэропорта в город, показался мне ещё особеннее. Он был похож на допотопного зверя с огромными глазами и длинным носом. Он назывался «Rapi:t», с причудливой орфографией, и отличался роскошью старого мира. Тёмно-синий корпус, круглые окна, внутри мягкие кресла, обитые бархатом, которые можно было повернуть лицом к окну или к соседу.

Интерьер будто бы скрещивал «Ориент-экспресс» с дзэн-дизайном. Я сел в поезд, и с этого момента для меня началась Япония.

Центр Осаки встретил меня не улицами, а лабиринтом. Osaka Station City — это не просто вокзал. Это громадный, многослойный мир. Ты оказываешься между этажами: этаж, переход, этаж, ещё этаж, и каждый с магазинами, кафе, лестницами, эскалаторами, указателями. Их сотни.

Ты идёшь за вывеской «выход», а через пять минут попадаешь в торговый центр. Потом в коридор с книжным магазином. Потом снова вниз. Если не знаком с японской логикой, легко блуждать здесь часами.

Между этажами модные отделы, подземные кулинарные лавки, киоски с сувенирами, кафе.

Яркий свет, поток людей, каждые три минуты объявление на англо-японском, и ритм, который не отпустит, пока ты наконец не выберешься наружу, где тебе впервые покажется, что ты снова в реальном мире, а не внутри огромной муравьиной норы.

Глава 2. Ритуал поклона

Моя гостиница находилась неподалёку от центрального вокзала, всего в нескольких минутах ходьбы.

Путешествовал я, как обычно, налегке. За годы скитаний это стало привычкой. За спиной небольшой рюкзак, в котором лежали лишь смена белья, зубная щётка и ноутбук. Никаких тяжёлых чемоданов, никаких вещей «на всякий случай». Всё необходимое всегда умещалось за моей спиной.

Выйдя наконец из бесконечного лабиринта Osaka Station City, я глубоко вдохнул прохладный ночной воздух.

Первым культурным потрясением для меня оказались вовсе не идеально чистые улицы и даже не бесчисленные неоновые вывески, заливавшие кварталы разноцветным светом.

Меня поразила обычная строительная техника.

На соседнем перекрёстке шёл ремонт дороги.

И вот тут началась сцена, которую я не мог забыть.

Небольшой экскаватор, скорее похожий на игрушку, чем на настоящую строительную машину, стоял под фонарями. Его ярко-оранжевый ковш блестел так, будто его только что отполировали. Ни следов грязи, ни подтёков масла, ни привычной строительной пыли.

Рядом стоял грузовик. Колёса закрывали аккуратные защитные щиты, фары сверкали, кабина выглядела так, словно машина всего несколько минут назад покинула заводской конвейер.

Перед техникой стоял мужчина в каске, светоотражающем жилете и белых перчатках. Он ничего не копал и ничего не переносил. Он кланялся. Каждому прохожему. Каждому велосипедисту. Мне тоже.

Лёгким движением головы он словно извинялся за временные неудобства, за шум, за то, что ремонт вообще вынужден нарушить привычный порядок города, за сам факт своего существования.

На другой стороне стоял ещё один рабочий с красным светящимся жезлом, как дирижёр, направляющий город. Он мягко указывал: куда идти, где обойти. Он не говорил, только кланялся и показывал. И это всё в два часа ночи. На тёмной улице. В любой другой стране здесь, скорее всего, ограничились бы сигнальной лентой и табличкой «Обход».

Но здесь был ритуал. И я понял: в Японии даже ремонт на дороге — это часть церемонии.

Очень скоро я заметил, что японцы постоянно обмениваются такими короткими поклонами. Я поймал себя на том, что тоже начал всем кланяться в ответ. Совершенно неосознанно. Как будто Япония меня заразила. Но не простудным вирусом, а ритуалом. Японцы кивают везде: продавец кивает покупателю, прохожий кивает встречному, официант кивает гостю. Это означает не «да», а что-то вроде ритма, в котором живут. Здесь поклон — это не подчинение, а уважение.

С такими мыслями я дошёл до гостиницы.

Внутри меня ожидало ещё одно знакомство с японской любовью к порядку. Прямо возле стойки регистрации располагался настоящий бытовой мини-центр.

В углу ровным рядом стояли стиральные и сушильные машины.

Рядом несколько автоматов самообслуживания.

Но привычных бутылок с газировкой там почти не было.

Вместо этого продавались горячие бульоны, баночки с супом, готовое карри, которое можно было сразу разогреть, и ещё какие-то загадочные «ночные блюда» с нарисованной луной на упаковке.

Неподалёку находился бесплатный уголок с кофе в капсулах и несколькими сортами чая.

Чуть дальше, небольшое место для женщин с большим подсвеченным зеркалом, мягким пуфом, лосьонами, салфетками и прочими мелочами, о которых европейские гостиницы почему-то редко вспоминают.

Тут же располагался целый уголок с бесплатными мелочами: одноразовые зубные щётки, бритвенные станки, расчёски и прочая дорожная косметика. Всё это лежало аккуратными рядами, и любой мог взять всё необходимое совершенно бесплатно.

Глава 3. Философия японского туалета

Но удивлять Япония продолжала меня и дальше. Гостиничный номер не поража́л роскошью, как отели в Шанхае или Дубае. Наоборот, удивляла его продуманность.

Каждый выключатель был подписан.

Даже в ванной оказался крошечный телевизор, встроенный прямо в стенку, так что можно было смотреть новости, лёжа в горячей воде.

Кранчики работали идеально: вода не брызгала, не капала, текла ровно так, как запланировал инженер.

Техника была безупречна, словно её только что проверили перед моим приходом.

Но главным открытием стал туалет.

Японский туалет — это отдельная философия.

Крышка приподнимается автоматически.

Сбоку целая панель управления, кнопок на добрый десяток.

Есть подогрев сиденья, функции подачи воды «бидэ» и «фронт» с регулируемым напором и углом струи, сушка тёплым воздухом, звук бегущей воды, чтобы замаскировать неловкие моменты. Японцы превратили даже самое интимное в технологию уважения и заботы о человеке.

Цели у меня в Японии, строго говоря, не было. Две, может быть, три недели я выделил себе на эту страну и решил: пусть будет так, без плана. Моя профессия давала мне редкую свободу: работать я мог из любой точки мира. Всё, что было нужно: доступ в интернет. Поэтому я мог позволить себе роскошь жить где угодно.

На следующее утро меня, разумеется, потянуло позавтракать.

Кофе из автомата — это, конечно, прекрасно. Но желудок был против такого минимализма.

Сначала я собирался просто пройтись по Осаке, оглядеться, понять ритм города.

Я включил навигатор в телефоне, нашёл ближайшее упоминание Food Street и пошёл. Пешком. Я всегда предпочитал идти пешком: так лучше чувствуется город.

Я шёл и ничего не понимал. Улица широкая, выложена идеально гладким асфальтом.

Светофоры работают. А людей нет. Вообще почти никого.

Я остановился. Посмотрел по сторонам.

Ни пешеходов, ни велосипедов. Только пару фигур на горизонте.

Где все?

И тут я увидел вход в метро.

Ничем не примечательный. Просто стеклянный козырёк, лестница вниз.

Но что-то меня потянуло, и я спустился.

И попал в другой мир. Внизу шум и людское море миллионного города. Целый город под землёй. Где сверху пустота и стекло, снизу движение, реклама, повседневность. Магазины с лапшой, парикмахерские, книжные. Эскалаторы во все стороны. Некоторые уровни с деревянными полами, другие как мраморные залы.

Я шёл мимо стеклянных витрин и вдруг почувствовал, что проголодался по-настоящему. В одной из подземных улочек я нашёл то, что искал. Ра́менную.

Внутри несколько мест у стойки, деревянные табуреты, аккуратный повар в белой бандане. Меню минималистичное. Суп, рис, чай. И ра́мен.

Я заказал классический с бульоном, лапшой, ломтиками свинины, яйцом и зелёным луком. И когда тарелка оказалась передо мной, я забыл обо всём. Бульон был густой, как будто бы варился всю ночь. Мясо мягкое, сладковатое, яйцо с чуть схваченным желтком, разрезан-

ное ровно пополам. Я ел молча, никуда не торопясь. Учился пользоваться палочками так, как едят местные, с уважением к своей трапезе. Игра в ритуалы начинала меня увлекать.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что всё это уже происходило. Я вспомнил статью, которую читал недавно, о теории мультивселенной. Там говорилось, что каждое решение создаёт новый мир, новую версию нас самих. Я же думаю о мультивселенной как о гигантской базе данных. Миллиарды версий одной и той же программы с разными настройками, ошибками, апдейтами. И где-то есть версия, где я всё понял, а где-то та, в которой я ещё только запускаю систему. Может быть, просветление — это просто переход на другой сервер. Иными словами, если существует мультивселенная, значит, где-то есть другой я, который не попал на старенький паром, не встретил шамана в аэропорту и сейчас сидит в офисе в Мюнхене, пьёт кофе и считает, что живёт правильно. А я просто побочный вариант программы, случайный сбой в системе. И всё же именно этот теперешний сбой кажется мне самым настоящим.

Глава 4. Страна стрелок

День начинался, и я никуда не спешил. Я позволил себе роскошь просто наблюдать, не ставя задач, не формулируя целей. Иногда это самое разумное, что можно сделать в чужой стране.

Просто идти, смотреть и удивляться мелочам, таким, что в других странах ты бы и не заметил. Вот, скажем, стрелки. Да, именно они. Те, что на асфальте.

На лестницах. На полу в метро. В переходах. На перронах. Повсюду.

И не просто так, а с чёткой целью: упорядочить направление движения пешеходов.

Ты идёшь по тротуару и замечаешь: под ногами стрелка, указывающая вперёд.

На лестнице одна сторона строго вверх, другая только вниз.

Ты чувствуешь себя фишкой в настольной игре, где всё давно рассчитано.

На платформе жёлтые прямоугольники. Это места остановки дверей вагона.

Под ними стрелки: одна линия на вход, две на выход. Люди выстраиваются по стрелкам заранее. Никто не толкается, никто не перебегает. Даже если поезд ещё на подходе, очередь уже структурирована.

Через день я уже автоматически вставал «в нужный поток». На лестнице держался своей полосы. И начал понимать: Япония придумала, как управлять толпой без полицейских, просто стрелками. Это казалось наивным, но работало.

Я шёл по очередному переходу, глядя под ноги, как новенький трамвай по рельсам, строго в нужную сторону, и вдруг поймал себя на мысли, что уже неосознанно двигаюсь строго по стрелке. Как будто мне встроили внутренний японский навигатор.

Но вот однажды на какой-то станции я спустился в метро, и вдруг стрелки закончились.

То ли ремонт шёл, то ли краску не обновили, но лестницы были без направляющей.

И я на долю секунды действительно растерялся. Автоматизм кончился, и мозг, словно после сна, включился обратно. По какой стороне идти? И стало мне смешно от того, что за несколько дней я уже привык к мягкому диктату стрелок.

Через несколько дней я начал замечать внутреннюю перемену.

Я уже двигался не только по стрелкам, но интуитивно, по ощущениям.

Вначале всё казалось непроходимым.

Метро как лабиринт.

Платформы в несколько уровней, линии пересекаются, меняют цвет, форму, нумерацию.

Выходов десятки, иногда сотни. На стенах лес японских иероглифов.

Всё написано и продублировано. Английский, да, есть. Но рядом такое количество ярких японских знаков, что взгляд просто теряется. У японцев, кажется, просто мания к систематизации. Голова шла кругом.

Сначала ты стараешься сравнивать английские переводы, всматриваться в схемы.

А потом в мозгу вдруг щёлкает, ты перестаёшь читать и начинаешь ориентироваться по логике пространства. И я стал двигаться уверенно, как будто уже давно здесь живу, находя нужный поезд почти по интуиции.

Глава 5. Ночная Осака

Однажды вечером я, конечно же, оказался на той самой знаменитой улице. Фудстрит в Осаке — это нескончаемая гастрономическая река. Под навесами и огнями неоновых вывесок жарятся осьминожки шарики, шкварчит мясо Кобе, толпа людей движется неторопливо, фотографирует, пробует, смеётся. У каждой лавки витрины с едой, точнее с её копиями: пластиковые суши, рамен, рис, мясо. Всё это не настоящее, но выглядит так правдоподобно, муляжи доведены до совершенства, так что хочется попробовать.

Я заказал легендарное мясо Кобе из быков, которых кормят отборным зерном, поят пивом и ежедневно массируют, чтобы жир распределялся равномерно. Каждый кусок как мрамор, прожилки красные и белые, плавящиеся на языке. Прямо на улице стояла маленькая жаровня, вроде походной лавки под навесом. За прилавком хозяин тонко нарезал мраморное мясо почти прозрачными ломтиками, тут же бросал их на раскалённую плиту, и аромат мгновенно наполнял воздух. Через минуту он подал мне порцию, горячую и тающую на языке.

Потом я нашёл лавку, где продавали фляш, такие жареные шарики, снаружи хрустящие, а внутри мягкие, сладко-пряные. Я взял один, потом ещё. Продавец, седой дядечка с повязкой на голове, подмигнул мне, мол, вкусно, турист?

Было уже довольно поздно, на улицах не утихало. Город не собирался засыпать. Наоборот, он оживал. Фудстрит продолжался. Но теперь он был другим. Менее туристическим, более японским и настоящим. Вокруг те же киоски, те же автоматы, но к ним тянулись тёмные фигуры в белых воротничках. Толпы мужчин в чёрных костюмах. Каждый будто клон другого. Белая рубашка, тёмный галстук, кожаный портфель. И вместе с ними женщины. Такие же аккуратные, в юбках до колена, с безупречной осанкой.

Это были офисные клерки. Их было сотни. Они выходили из зданий, как муравьи из муравейника. Струились на улицу и, не задерживаясь, направлялись прямо в рестораны, барчики, забегаловки. И начиналось вечернее таинство японской корпоративной жизни.

Они ели много, шумно. Они пили ещё больше. Саке, пиво, сёчу. Столы скрипели, лица краснели, галстуки развязывались. Некоторые уже после первого тоста переходили на крик. Смех, хлопки по плечу, песни — всё это лилось на улицы.

Я потом узнал, что это традиция. Вечерняя корпоративная попойка. В Японии это называется номикай. Если ты не пьёшь с коллегами, ты выпадаешь из коллектива. Профессионализм тут не спасает. Твоя лояльность измеряется не тем, сколько ты работаешь, а тем, сколько ты можешь выпить с боссом. А потом, поздно ночью, все эти люди шатаются по улицам, некоторые спят на скамейках, другие добираются до такси. И лишь через пару часов вновь окажутся в офисе, чистые, выбритые, с чашкой кофе и прежним поклоном.

Глава 6. Киото и встреча

На следующий день в гостинице я проснулся и, поразмыслив, решил: сегодня я поеду в Киото, древнюю столицу Японии, город, который вобрал в себя всё лучшее, что родила японская культура и архитектура. Здесь сосредоточено множество храмов, старинных замков, императорских вилл и садов, настоящая сокровищница духа. Киото считается городом, где сохраняется душа Японии. Я чувствовал, что должен это увидеть своими глазами.

Вышел из гостиницы рано, взял билет и вскоре уже ехал скоростным поездом в направлении Киото. За окном мелькали аккуратные домики, рисовые поля и зелёные холмы.

Киото встретил меня привычным для страны дождичком. Первым делом я направился к легендарному Кийомидзу-дэра. Это буддийский храм VIII века, расположенный на склоне холма в районе Хигасияма.

К нему вела узкая дорожка вверх по древним мощёным улочкам. На вершине я вышел к огромной деревянной веранде, стоящей на высоких столбах. Отсюда открывался волшебный вид на город. Внизу журчал священный родник Отова, из трёх струй которого паломники по очереди пили воду: одна струя даёт здоровье, вторая успех в учёбе, третья любовь. Но выпить из всех считалось плохой приметой.

Фотографирование в Японии, кажется, национальный спорт. Здесь почти в каждом историческом месте можно увидеть массу людей в кимоно. Местные любят надевать традиционную одежду, чтобы сделать огромное количество снимков на память.

Рядом всегда найдётся маленькая лавка, где можно взять кимоно напрокат и выбрать сандалии. Фотосессия превращается при этом в маленькое шоу. На одном месте человек может вертеться по пятнадцать минут, меняя позы, то в профиль, то взгляд ввысь, полусмех, задумчивость.

Каждое выражение лица фиксируется немедленно, по три дубля, чтобы наверняка. Один терпеливо снимает другого, потом оба делают селфи с палкой, потом селфи без палки. Через десять минут у каждого в телефоне уже сотня одинаковых снимков, чтобы из сотни выбрать один, а затем всё равно оставить все сто «на память». Смотришь на это и думаешь, что если когда-нибудь исчезнет сама Япония, по этим фотографиям её можно будет воссоздать заново.

После визита в храм я наугад свернул в сторону, куда тянуло интуитивно. Асфальт сменился брусчаткой, улицы стали тише. Я оказался у небольшого сада: за деревянными воротами прятался храм, о котором не писали в путеводителях. Там не было привычной позирующей толпы. Только пара паломников у колокола и девушка, сидящая у каменного фонаря. Она была японкой, но одета не в кимоно, а в серое платье с тонким воротом, тёмные волосы собраны, лицо спокойное. Она сразу привлекла моё внимание, и дело было не только в красоте. Черты её лица были мягкие и ясные, и в этой простоте было что-то благородное.

Она сидела неподвижно, и только ветер чуть тронул край её платья. В саду пахло землёй и старым парком, где-то тихо капала вода, и этот звук был похож на дыхание самого храма. Я не хотел нарушать тишину, но шаг уже сделал, и гравий под ногами хрустнул слишком громко. Девушка подняла глаза, и наши взгляды невольно встретились. Для меня это было неожиданно, и я машинально, почти по привычке, легко улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Назад дороги уже не было, и я машинально сказал, что сад красивый и что здесь удивительно спокойно. Она кивнула, будто знала это лучше меня. Некоторое время мы молчали, и мне вдруг показалось, что этот момент, короткий и почти ничем не примечательный, почему-то останется со мной надолго.

Она спросила, кто я и откуда приехал. Слова прозвучали просто, как вопрос, который возникает сам собой, когда пауза становится слишком долгой. Я ответил, что из Германии, и она сразу оживилась. Оказалось, она многое знает о Германии и восхищалась немецкой куль-

турой, которую считала похожей на японскую. В её глазах мелькнул интерес, и разговор стал теплее. Волнуясь, я говорил всё, что приходило в голову, о Мюнхене, о старых улочках и площадях, о других городах и замках. Она слушала внимательно, кивала, уточняла, спрашивала. В её голосе была неподдельная любознательность, и это придавало словам особую лёгкость.

Мы говорили уже без пауз, словно давно знали друг друга. Потом представились, и она назвала своё имя — Саюри. Постепенно разговор сам собой стал глубже. Она оказалась не только внимательным слушателем, но и удивительно образованным человеком. Её знания в истории и философии поражали: она свободно говорила о Канте, вспоминала Юнга и Фрейда, соединяя их мысли так естественно, будто всё это было частью её личного опыта. Мы находили всё новые точки соприкосновения, и разговор шёл легко, как будто давно начатый и просто продолженный после долгого перерыва. Я ловил себя на мысли, что впервые за всю поездку чувствую не одиночество путешественника, а присутствие кого-то близкого по духу — кого встретил однажды и, возможно, не забуду никогда.

— Ты уже был в Осацком замке? — спросила она, когда разговор немного затих.

— Нет, — ответил я. — Только слышал о нём. Стоит посмотреть?

Она улыбнулась, и в её глазах мелькнул живой интерес.

— Обязательно. Это одно из самых важных мест в Японии. Замок построили ещё во времена Тоётоми Хидэёси, великого полководца, который смог объединить страну. Он много раз разрушался, горел, но каждый раз восставал из пепла. Сейчас это символ Осаки, символ стойкости.

— Красиво звучит, — сказал я. — Как будто в нём вся история страны.

— Так и есть, — ответила она. — Весной там цветут сакуры. Люди приходят в парк, сидят под деревьями, едят, смеются. Всё розовое, как в сказке. Даже воздух кажется другим.

— Пожалуй, мне пора, — сказала она, посмотрев на часы.

— Время с тобой пролетело незаметно, — ответил я.

Она приятно улыбнулась, заглянув мне глубоко в глаза. Мы обменялись телефонами, и я почувствовал лёгкое волнение и сожаление из-за расставания. Мы пообещали друг другу поддерживать связь, оставив возможность встретиться снова. Я долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за воротами. Потом словно очнулся из застывшего состояния и достал телефон. Набрал короткое сообщение в WhatsApp и добавил маленький романтический эмодзи в виде сердечка.

Глава 7. Правила времени

В последующие дни я часто связывался с Саюри, мы общались через WhatsApp, и эти сообщения становились самыми приятными минутами дня, будто она по-прежнему рядом. К сожалению, встретиться нам не удалось. Она написала, что должна срочно уехать в Токио по делам. Я ответил, что понимаю, хотя почувствовал лёгкую пустоту, как будто уехала не она, а что-то внутри меня.

В один из таких дней, когда стояла типичная для Киото влажная, но душная погода, от которой всё тело липнет, я плёлся в сторону метро. И пока я двигался, меня не отпускала одна мысль. Вернее, одно впечатление, которое я никак не мог выкинуть из головы. Это японские офисные «клерки», как я их про себя окрестил. Каждый вечер я их наблюдал в барах и у станций: девушки навеселе, пошатываются, хихикают, у одной не хватает туфли, другая кого-то держит под руку, третья блюёт в мусорку. Я не понимал, как вообще можно так жить? Как можно устроить личную жизнь, завести детей, что-то планировать, если ты каждый вечер допоздна нахрюкиваешься как свинья, а утром снова идёшь в офис, вся в дыму, в перегаре, с опухшими глазами?

Я как раз уже добрался до своей новой гостиницы, поближе к центру города, которую я до этого забронировал через «Booking» на одну ночь. Было 13:20. Я подошёл к стойке, сказал, что у меня бронь, выдал паспорт. Девушка, милая, аккуратная, с идеально прямой чёлкой и улыбочкой, почти извиняясь, произнесла:

— I'm sorry, your room is not ready yet. Please wait a moment.

Даже не моргнула. Не предложила «мы сейчас уточним» или «позвольте проверить». Просто not ready, и всё. При этом, не теряя любезности, тут же проводила меня к мягкому креслу у окна, поклонилась. В Японии всё очень чётко. Там, если написано, что заселение в номер с 14:00, значит, до 13:59 ты для системы не существуешь. Что тут скажешь? Уважение ко времени для них стало религией.

Та же самая история повторилась и на следующий день, когда я должен был съехать из гостиницы. Выезд, как и положено в Японии, строго до 11:00. Причём «до» не значит «в течение одиннадцатого», а именно «до того, как стрелка пересечёт 11». Около десяти утра у меня должна была состояться рабочая телефонная конференция с Европой. Я понимал, что закончить переговоры к одиннадцати будет непросто, поэтому решил выехать чуть позже. Я уже начал понимать японскую ментальность, поэтому спустился на ресепшен заранее, где-то около девяти. Рюкзак был ещё не собран окончательно, и я хотел продлить отъезд на час-полтора. Обычно в других странах это не проблема. Я подошёл к той же самой девушке и поинтересовался, можно ли чуть-чуть задержаться, чтобы спокойно закончить конференцию и собрать вещи. Она тут же, не моргнув и с той же профессиональной категоричностью, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.